

РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы*

А. В. КОСТИНА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ) **

В статье показано, что кризис современной идентичности в значительной степени связан с теми доминирующими стратегиями идентификации, которые формируются в границах этноса, нации, массы. Эти стратегии достаточно противоречивы, а иногда — конфликтны. Ключевые слова: этнос, нация, масса, идентичность, глобализация.

Crisis of Modern Identity and Dominating Strategies of Identification within Ethnos, Nation, Mass

A. V. KOSTINA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

In the article it is shown that crisis of modern identity is substantially connected with those dominating strategies of identification, which are being formed within ethnos, nations, mass. These strategies are inconsistent enough, and sometimes — conflicting. Keywords: ethnos, nation, mass, identity, globalization.

Эклектичность глобальной культуры, сложность и дифференцированность информационной среды, избыточность самой информации, существование глобального коммуникационного пространства — все эти факторы способствуют формированию человека, идентичность которого определяется самыми различными фундамирующими обстоятельствами. Это приводит к сущест-

венному увеличению факторов, влияющих на формирование идентичности современного человека, а также на количество тех реальных идентичностей, которые образуются путем сложных сопоставлений всех обозначенных вариантов. Тем не менее можно выделить три доминанты, которые определяют стратегии идентификации современного человека. Они задаются парамет-

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного грантом РФФИ «Формирование национально-культурной идентичности в современной России» (№ 09-06-00372а).

** Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Тел.: (495) 374-61-81. Эл. адрес: anna_kostina@inbox.ru

рами этнической, национальной, массовой культур.

Прежде чем приступить к анализу процедур идентификации и особенностей различных идентичностей в современном мире, следует сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, здесь необходимо иметь в виду, что внутреннее содержание понятия «идентичность» определяется его конкретной привязкой к совершенно определенной культурной системе. Иными словами, национально-культурная идентичность есть явление культурно и исторически опосредованное, изменчивое, получающее специфическое содержательное наполнение в конкретном культурном, социальном, политическом, цивилизационном контексте. В этом контексте сама настроенность на константность или мобильность характеристик опосредуется целой совокупностью обстоятельств. В частности, для американцев кинетичность изначально заложена самим духом освоения земель, когда дым костра рядом гонит вперед, туда, где никто еще не был (Гачев, 1995: 439–450). Напротив, для турецких крестьян необходимость оставить свою землю воспринимается наказанием «хуже смерти» (Эрикссон, 1995). Аналогичное значение для формирования определенных характеристик идентичности имеет социально-экономический уровень развития — в терминах социальной философии — доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный; ориентация на определенный тип ценностей — индивидуально-личностных (Америка, Западная Европа) или общинных (Китай, Индия, арабские страны); уровень урбанизации; социально-экономическую неоднородность общества, где социально-политическая элита в большей степени характеризуется глобальной идентичностью, основная же часть представителей государства — локальной идентичностью, связывая себя с собственной культурой.

Кроме того, здесь также необходимо учитывать рефлексию различных культурных миров по поводу своей самотождественности, где определение собственной культурной

идентичности является острой проблемой преимущественно для России, обсуждаемой здесь уже в течение трех столетий. Зыбкость, неустойчивость, стремление к совмещению взаимоисключающих явлений, подобных «безбожному человеку» и «бесчеловечному Богу», отражаются и на специфике идентичности, отличающейся противоречивостью и отсутствием цельности. Если говорить о России, необходимо иметь в виду, что тот тип национальной культуры, который сложился в рамках этой государственности, гораздо в большей степени соотносился с духовной сферой, формирующейся в длительном процессе ее генезиса, нежели с политической и экономической сферами, где однородность нации обеспечивается государством через предоставление гражданства представителям различных этнических сообществ и через создание общей «гражданской религии» — мифов, воспоминаний, символов, передаваемых стандартным языком через образовательные учреждения (Smith, 1986: 149–150). И сама нация в России всегда выступала в большей степени как социально-этническая общность, истоки которой уходят в глубь доиндустриальных отношений (там же), а не как социально-политическое (гражданское) сообщество (Геллнер, 1983; Андерсон, 1991). Именно эта специфичность позволяет говорить о России Нового времени не как о государстве-нации, а как об империи (Яковенко, 1996: 118–122). Это, собственно, и обуславливает ту напряженность социально-экономических процессов России двух последних десятилетий, которой сопровождаются усилия по выстраиванию новых принципов построения идентичности, основанных в равной степени как на истории, религии, ментальности, так и на гражданстве.

Кризисное состояние идентичности в современном мире: причины и предпосылки

Идентичность в глобализирующемся мире является не только одним из феноменов, непосредственно связанных с повседневными практиками и подвергающихся осмыслению обыденным сознанием, но и одной из

центральных проблем и философии, и науки, и политики. Идентичность как относительная устойчивость индивидуальных, социокультурных, национально-этнических, цивилизационных параметров, выступающих основой самоидентичности и общественных образований и личности, сегодня подвергается существенному давлению, в результате которого она начинает расшатываться и существенно трансформироваться.

Причин, которые привели идентичность к подобному кризисному состоянию, несколько.

Первой причиной кризиса идентичности являются глобализационные процессы, предполагающие обмен социально и культурно значимой информацией, открытые для передвижения, в том числе для туризма, границы, взаимообмен профессиональными кадрами. Это также рынки с открытыми границами, свободной торговлей и «импортированием» труда из экономически отсталых в богатые страны, как следствие — усиление миграционных потоков. Создаваемые «серые зоны» в правовой сфере, касающейся национальных гражданских и правовых норм, провоцируют явления ксенофобии, усиливают этническую базу национализма. Этот «внутренний национализм», направленный не против народов других стран, а против иммигрантов, представителей других этносов и культур внутри современных наций, является реакцией на усиление культурного разнообразия обществ. Право на культурную самобытность в повседневной жизни «неполных граждан» оказывается политическим в своем основании и предполагает достаточную степень правовой, судебной и пространственной автономии. Однако публичное политическое признание культурных меньшинств, как отмечают исследователи, угрожает целостности государства-нации и актуализирует проблему этнической основы национального государства (Всемирный доклад по культуре, 2005: 164). Объединение в пространстве крупных мегаполисов с их высокой (практически для всех мигрантов непривычной) плотностью

застройки и заселенностью людьми, принадлежащими совершенно разным мирам, разным этносам, разным субкультурам и испытывающим безусловные трудности адаптации, — все это создает целую совокупность потенциально конфликтных ситуаций.

Они обусловлены, как правило, проблематичностью выделения и маркирования каждым из индивидов, каждой из групп или общностей собственного культурного пространства и необходимостью для их презентантов вступать в диалогические отношения с представителями самых разных культурных миров. При этом многие из подобных социальных и культурных систем распадаются, естественные связи в их границах уступают место функциональным социально-экономическим отношениям. Эти процессы являются общемировыми, но особенно ярко они проявляют себя в России, находящейся в условиях обретения новой идентичности и самоопределения в рамках новых границ, новой идеологии, нового экономико-политического проекта.

Во-вторых, кризисное состояние идентичности в современный период общественного развития обусловлено разворачиванием новой волны развития этничности, что приводит к изменению соотношения как между этническими и национальными культурами, так и между самими этнокультурными образованиями.

Наконец, расшатыванию идентичности в современном мире способствуют интенсивные информационные процессы. Благодаря сетевым технологиям и новым средствам связи традиционный разрыв между обработкой данных и коммуникацией практически нивелируется, а информационное пространство становится впервые действительно единым. Работа с электронными энциклопедиями и мультимедийные конференции, в ходе которых их участники обмениваются не только текстовыми и графическими документами, но и живой речью и телеизображениями — уже на уровне пользовательских интересов, — широкая практика. В области управления — экономического, политиче-

ского, административного — постоянно, каждые два-три года, осуществляется фундаментальное переключение на новые поколения вычислительной техники, позволяющее более эффективно распоряжаться информационными потоками. Между тем, поскольку специфическим качеством самой информации (в отличие от знания) является ее избыточность и фрагментарность, постольку обилие информации неизбежно приводит к поверхностности — сначала восприятия, затем — возможно, и мышления. Все эти обстоятельства приводят к затруднению выстраивания процедур идентификации и соответственно нарушению процессов социализации¹.

Коммуникация в задаваемом массмедиа пространстве специфична тем, что сама среда обитания выступает как симулятивная, выступающая в качестве символической надстройки над константной реальностью, но многими воспринимаемая как константная реальность или ее полноценный заместитель. Унифицированные символические пространства, формируемые средствами массовой коммуникации, не менее убедительны, чем реальность пребывания, а граница между ними весьма условна и проницаема: часто информация, исходящая из теле- или компьютерной виртуальной реальности, погружающей потребителя в специфические состояния и навязывающей ему особые типы существования, представляется более убедительной, чем событийность повседневности.

Кроме того, если говорить о сетевой коммуникации, то здесь само понятие личности снимается существованием так называемой «виртуальной личности», лишенной материальных характеристик и — соответственно — той идентичности, которая предполагает набор константных ценностей, идеалов, смыслов и которая опосредуется привязкой к определенному пространству и времени². Иными словами, идентичность, которая опосредуется этой информационной средой, теряет качество подлинности. Несмотря на то что в процессе отождествления человека

с общностью он получает возможность через проекцию своего внутреннего мира на других людей и через установление эмоциональных связей по типу уподобления преодолевать свое одиночество, подобная психологическая идентификация оказывается значимой только в качестве персонального явления. При этом культурная и социальная идентичность оказываются не выстроенными, а человек так и не обретает возможности ощущать себя гражданином или представителем определенного культурного мира.

Существенной особенностью «информационно-адаптированной» личности становится утрата способности осуществления коммуникации с Другим, утрата самоидентичности, фундаментальная потеря ориентации, когда бытие человека выступает как постоянная смена в рамках коммуникативного пространства стратегий человека — приемника сообщения и его отправителя, человека — объекта коммуникации и создателя собственной субъективности. Этот новый субъект, по П. Вирильо, отличается разорванностью между жизнью в реальных координатах «здесь-и-сейчас» и жизнью внутри особой матрицы, где время («сейчас») превалирует над пространством («здесь») (Вирильо, 1977 и др.). Ввиду огромной плотности информационного потока человек теряет способность к критической ориентации в ней, он оказывается неспособным четко зафиксировать свою позицию по отношению к различным ценностным системам, а следовательно, не может зафиксировать самоидентичность своего сознания и себя как личности. Этот субъект, предельно открытый для восприятия информации, определяемый мобильными установками, готовый к реструктуризации личности, «кинетичный», стремящийся к нивелированию фиксации, но утративший самоидентичность, принципиально отличен от традиционного субъекта дюркгеймовского типа — стабильного и однозначно центрированного, настроенного на создание идентичности.

В ситуации усилившихся межкультурных коммуникаций и глобализации всех отноше-

ний, прежде бывших прерогативой национальных государств, человек выходит из того поля, что ранее было ограничено рамками государства-нации. Здесь, конечно, более существенное значение имеет даже не возможность физического перемещения, хотя и туризм также создает иллюзию «преодоления» традиционного гражданства, но осознание тех феноменов, которые существуют в качестве «достояния всего человечества» в качестве именно глобальных, мировых, «транскультурных». Приобщаясь к достижениям науки, которая не подчиняется границам воображаемых пространств, и шедеврам искусства, воспринимая трансферты в спорте как естественное явление, признавая международные институты права, потребляя универсальные продукты, человек обретает «культурное гражданство», минуя те институциональные сферы, которые предполагались в качестве основных в классическом государстве-нации.

Под влиянием этих процессов у человека формируется представление о том, что современный мир предельно эклектичен. Эта эклектичность, совмещение в конкретных культурных контекстах различных национальных традиций приводит к ситуации, когда человек включает в арсенал собственной культуры такие явления, как McDonald, китайская кухня, джаз-кафе, мировые бренды наподобие Samsung, Toyota, Nike, как мода и стили от японского минимализма до роскоши восточных дворцов, как буддистская терпимость ко всем формам жизни, католическая вера в ангелов и православная приверженность идее соборности. Эта эклектичность изменяет и исследовательский дискурс, где начинает проявляться интерес к множеству ранее не изучавшихся, маргинальных объектов и феноменов — таких, как этнические меньшинства, различные субкультуры, разнообразные типы сексуального поведения и идентичности, поп-музыка и телевизионные новости, семиотика современных торговых центров, комиксы о Супермене, фильмы ужасов, реклама, урбанистическая утопия Диснейленда, «феномен

Барби». Подобный подход характеризует междисциплинарную сферу исследований культуры, связанную с созданием Бирмингемского центра культурных исследований.

Для эпохи модерна, когда оптимальными представлялись принципы устройства государства-нации, были характерны вера в господство универсальных законов развития общества, человека и культуры, тяготение к системной организации и к централизму в социальной, экономической и политической жизни общества, провозглашение универсальных норм морали и права и стремление к выработке общих критериев и эстетических норм в искусстве. Идеальный человек подобного общества связывался с определенным набором ценностей и идеалов, что и позволяло фиксировать его самостоительность. Время же разрушения универсальности, в том числе государственной и культурной, обозначаемое как эпоха постмодерна, характеризуется плюрализмом, отсутствием какого-либо единого начала и универсальных предпосылок. Он основан на отказе и в познании, и в культуре, и в человеческом мире от каких-либо интегрирующих идей, а всякое единство воспринимается как носящее «репрессивный» характер и связанное с тоталитаризмом, любая форма которого должна быть отвергнута. Ведущим здесь становится принцип множественности, уравнивания — семантического и аксиологического — всех входящих в культуру компонентов — мировоззрений, мироощущений, позиций, которое проецируется и на искусство, политику, философию, а доминирующей становится мысль о том, что все относительно, все возможно. Само же понятие истины как принципа соответствия знания объективному состоянию мира теперь оказывается размытым и несвоевременным, неактуальным. Подобное восприятие мира как мира возможностей, закрепляемое в понятии «постметафизическое мышление», фиксирует отказ как от системной концептуальной модели мира (как в философии, так и в науке, теологии, этике и т. п.), так и от целостной модели идентичности.

Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, что идентичность в современном мире существенно изменилась — как ее содержание, так и сами процедуры ее выстраивания. Тем не менее остаются наиболее константные ее характеристики, связанные с ощущением включенности индивида в пространство этнической, национальной или массовой культуры.

Этническая идентичность: родовые характеристики. Специфика трактовки в рамках мультикультуралистской парадигмы

Этническая идентичность становится особенно актуальной в период глобализации, оказывающей давление на национальное государство и нивелирующей значение национальной идентичности. Девальвация национального государства стала возможной вследствие глобализации экономики, появления транснациональных корпораций и международных банков; развития коммуникационной сферы, где сетевые коммуникации образовали единое информационное пространство; политики, где управление мировыми процессами в значительной мере осуществляется наднациональными организациями. В целом глобализация фактически становится инструментом установления членами «глобального клуба» «нового мирового порядка». Об уменьшении значения государства-нации в мировых процессах свидетельствует неспособность сложившихся национальных институтов публичной политики противостоять новой универсальности и новой неолиберальной модели. Разрушение национального государства сопровождается и разрушением национальной культуры, которая изначально выступала в этой общественной системе в качестве механизма формирования единого пространства смыслов и значений, чему, в частности, способствовал национальный язык, воплощающий весь образ жизни народа с его ценностными приоритетами, ментальностью, национальным характером, традициями, обычаями, картиной мира.

Все эти обстоятельства приводят к тому, что индивид испытывает ощущение неста-

бильности, социальной и культурной фрустрации, утрачивая, как показал П. С. Гуревич, «представление о своей идентичности, об устойчивости своего внутреннего мира, о специфически человеческом» (Гуревич, 1988: 505).

Итак, говоря об идентичности как о самоидентификации, связанной с устойчивостью определенного набора параметров — начиная от индивидуальных и завершая цивилизационными, — можно попытаться выстроить схему развития идентичности, выделив при этом различные ее уровни. Они определяются типами культуры, выступающими в качестве доминирующих на определенных этапах развития общественных систем. Исходный из них связан с традиционной этнической культурой, второй — с национальной, третий — с массовой. Каждый из этих типов культуры продуцирует определенный тип индивида — соответственно коллективная личность, выступающая персонификацией рода; собственно личность, обладающая комплексом ярко выраженных индивидуальных характеристик; массовизированный индивид с невыраженным личностным началом. Характерно, что все три типа личности, возникающие исторически последовательно, не отмирают, а продолжают сосуществовать в едином социальном и культурном пространстве, составляя различные в содержательном и ценностном значении его зоны — начиная от периферии, будучи маргинально представленными, и заканчивая его центром, где, собственно, и формируются его основные смыслы. Причем подобное соотношение проявляется не только на уровне общества, но и на уровне самой личности, присутствуя в структурах ее ментальности и существуя в качестве дополнительных компонентов, служащих для адаптации субъекта в разных социальных контекстах и находящихся в различных же отношениях с доминантой (Пелипенко, 2002: 199). Именно подобная разнородность социального пространства, где сосуществуют типы групп и субкультур, с одной стороны, образуемых личностями

определенного типа, ощущающих свою общность или идентичность, а с другой — воспроизводящих их, а также пространства культурного и цивилизационного, и создает ту особую напряженность, которой отмечено современное общественное развитие. При этом сам характер идентификации, понимаемый как принцип выстраивания логики отношений внутри тех или иных социальных общностей, определяется либо ориентацией каждого из членов социального образования на значимость социокультурного статуса группы (социальная и культурная идентификация), либо стремлением к психологическому слиянию с группой (психологическая идентификация).

Этническая культура воспроизводит коллективную личность. Если говорить о содержании процедур идентификации, характерных для нее, представляется, что здесь значимыми для субъекта идентификации являются как социальные и культурные, так и психологические ее аспекты. Более того, можно с уверенностью утверждать, что именно мощный этнический идентификационный потенциал востребован в настоящий период существенных сдвигов в культуре, происходящих на всех ее уровнях и во всех ее подсистемах. Эти трансформации, которые проявляются в беспрецедентном усложнении социальной организации, в интенсификации культурных связей и обменов, в росте культурного многообразия, в отказе от господствующей в эпоху массового индустриального общества унификации и стандартизации, приводят к усилению ощущения катастрофичности бытия и психологической фрустрации. В подобной ситуации социальной и культурной дезориентации индивид стремится к собственным корням, пытается обрести утраченную сопричастность к собственному народу и его истории.

Осознавая последствия состояния деидентификации, правительства многих, прежде всего западных, стран пытаются погасить или демпфировать эту напряженность посредством принятия законов об охране национально-этнической культуры —

традиционных знаний; методов традиционной медицины; интонационно-мелодического «фонда» культуры; элементов народной живописи и орнамента; растений, культивируемых коренными жителями. Все это является интеллектуальной собственностью, которая должна быть защищена законом. Использование каких-либо элементов народного наследия компаниями, производящими потребительские товары, сувениры и медицинские препараты, звукозаписывающими и рекламными компаниями, а также оказывающими медицинские услуги, рассматривается как наносящее материальный урон коренному населению.

В подобных явлениях отражается явная конфликтность и разнонаправленность этнической и национальной идентичности, в границах первой из которых человек ощущает себя частью рода и стремится к обособлению, в границах же второй он проявляет себя предельно открытым, отождествляя себя не с родом или племенем, а с нацией. Доминирование принципов этноцентризма и локализации ярко выражается в принципе мультикультурализма, означающем политику неконфликтного сосуществования в одном социальном пространстве многочисленных разнородных культурных сообществ (Кирабаев, 2003: 640). На практике же мультикультурализм фактически предполагает признание за определенной этнической общностью (или, в терминах отечественного законодательства, «малочисленного народа»³) приоритетного права пользования тем или иным объектом материального и духовного культурного наследия и права управления территорией традиционного проживания — через участие в акционировании крупных компаний (в частности, трубопроводов в Канаде) или через строительство и управление экономически выгодными предприятиями (в частности, казино в США).

Между тем трудность определения границ тех сфер, в которых используются в той или иной форме феномены материального и особенно духовного наследия⁴, приводит

к необоснованным претензиям представителей этнических общин.

По данному вопросу в апреле 1998 г. на страницах журнала *Current Anthropology* (США) была проведена дискуссия об «авторском праве» коренных народов на собственное культурное наследие. Предметом споров между защитниками прав коренных народов и «учеными-космополитами» были три ключевые положения: о том, что этническая группа должна иметь четко сформулированные всеобъемлющие права на свою культурную продукцию, в том числе на осуществление контроля за ее использованием представителями других народов; о том, что это право может быть не закреплено формально, но должно быть по моральным соображениям принято всеми; а также о том, что любая информация, которую представители аборигенного населения сочтут оскорбительной, может быть подвергнута ими «карантину» (*Current Anthropology*, 1998: 193–219). По существу же предметом споров было определение специфики идентичности и стратегий идентификации — или с нацией, формируемой гражданством и законом, или с этносом, определяемым традициями и представлениями о символическом единстве народа.

Несмотря на то что по аналогичным запросам были прецеденты положительных ответов, запрещающих или ограничивающих доступ к информации, имеющей сакральный или особо значимый для представителей определенного народа характер⁵, большинство исследователей и политиков отстаивают позиции относительно равенства всех народов государства перед законодательством. Этой точки зрения последовательно придерживается, в частности, Сейла Бенхабиб, выступающая против мультикультуралистской парадигмы, отмечая, что она, во-первых, расходится с принципами либерализма, так как ведет к подчинению моральной автономности личности движениям, выступающим за коллективную идентичность; во-вторых, в рамках мультикультуралистской логики институционализация сообществ и групп

происходит на основании одной или нескольких особенностей человека, тогда как требования, выдвигаемые ими, весьма широки и не сводятся к строго определенным притязаниям; и в третьих, практика предоставления прав и привилегий на основе групповой принадлежности противоречит принципу равного отношения ко всем членам общества и подрывает равенство как в экономическом, так и в политико-правовом аспекте (Бенхабиб, 2003: 62–67, 84, 184).

Актуальность для западного мира данной проблемы свидетельствует о тенденции, которая захватила эти страны и которая только начинает проявляться в России — а именно о тенденции падения статуса национального государства с его властными атрибутами и реактивации этнического потенциала, проявляющегося в явлениях регионализма. В России некоторые представители аборигенных народов аналогичным образом требуют если не полностью передать им их территории в управление, то выделить большие квоты в региональных органах власти. Несмотря на то что государственная политика в отношении малых народов опирается на понимание того, что все они являются достойными, и государство должно всемерно содействовать сохранению их культуры, отечественное законодательство исходит из признания того, что восприятие этих требований в качестве правомочных может нарушить базовые демократические принципы, а также поставить под сомнение принципы административного деления Российской Федерации (*Коммерсантъ Social Report*, 2006: 29). Естественно, процессы децентрализации культуры, выражением которых является регионализм, имеют объективные причины, основной из которых является стремление малых социокультурных общностей и местных локальных культур к сохранению собственной культурной самобытности и ограждению от стандартизации и унификации. Эта проблема соотношения федерального уровня управления и регулирующей деятельности местных управленческих органов отражает необходимость ведения культурно-

го строительства на консолидирующей основе, ориентируясь на развитие межрегиональных связей в целях укрепления государственности.

Таким образом, сегодня этническая идентификация остается по-прежнему актуальной, а стремление к сохранению этнической идентичности демонстрируют не только сами представители этих общностей, но и правительства государств со значительным демократическим ресурсом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Теоретический анализ феномена идентификации как процесса, связанного с социализацией, представлен в работе (Ковалева, 2000).

² Конечно, автор осознает проблематичность определения сетевой личности как личности массовой. Но здесь речь идет преимущественно о специфичности среды, формируемой СМК, в которой личность теряет свои константные характеристики.

³ Согласно Федеральному закону «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» «коренные малочисленные народы Севера... — народы, проживающие на территориях традиционного проживания своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, насчитывающие в России менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» (см.: Коммерсантъ Social Report, 2006: 30).

⁴ Французский социолог и антрополог Ф. Дескола формулирует проблему следующим образом: «силлогизм — детище древних греков. Означает ли это, что греческий народ является собственником силлогистики?» (цит. по: Барышева, 2005: 270).

⁵ Например, в ряде национальных хранилищ и этнопарков Австралии введен в практику запрет на просмотр определенных коллекций по культуре аборигенов для женщин и неиницированных мужчин (см.: Барышева, 2005: 272).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон, Б. (1991) Воображаемые сообщества.

Барышева, Е. А. (2005) Авторское право народа на свою культуру: возможно ли это? // Эволюция культурной деятельности в новом столетии: Социально-экономические аспекты культурной политики : в 3 т. Т. II: Культура в глобальном мире. СПб.

Бенхабиб, С. (2003) Притязания культуры. М.

Вирильо, П. (1977) Скорость и политика. М. Всемирный доклад по культуре — 2000 (2005) // Эволюция культурной деятельности в новом столетии: Социально-экономические аспекты культурной политики : в 3 т. Т. II: Культура в глобальном мире. СПб.

Гачев, Г. (1995) Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.

Геллнер, Э. (1983) Нации и национализм. М.

Гуревич, П. С. (1988) Человек как объект социально-философского анализа // Проблема человека в западной философии : сб. переводов / сост. и послесл. П. С. Гуревича. М.

Кирабаев, Н. С. (2003) Мультикультурализм // Глобалистика: Энциклопедия. М.

Ковалева, А. И. (2000) Социализационные условия идентификации // Социологический сборник. Вып. 7 / Ин-т молодежи. М.

Коммерсантъ Social Report. (2006) № 11. 24 января.

Пелипенко, А. А. (2002) Глобализм и кризис либеральной антропологии // Глобальное сообщество: Картография современного мира. М.

Эрикссон, Э. (1995) Идентичность и неукоренность в наше время // Философские науки. № 5–6.

Яковенко, И. Г. (1996) От империи к национальному государству (попытка концептуализации процесса) // Полис. № 6. С. 118–122.

Current Anthropology. (1998) Vol. 39. № 2 (April).

Smith, A. D. (1986) The Ethnic Origins of Nations. Oxford ; N. Y. : Basil Blackwell.

(Окончание следует)